

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: GENOV N. (2021)
THE PARADIGM OF SOCIAL INTERACTION. Abingdon, Oxon;
New York, NY: Routledge. — 208 p.
doi: 10.4324/9781003215028

Николай Александрович Головин (n.golovin@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Головин Н.А. (2022) Рецензия на книгу: Genov N. (2021) The paradigm of social interaction. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge. — 208 p. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(3): 267–273.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.12>

В 2021 г. в авторитетном издательстве Routledge вышла в свет книга берлинского социолога Николая Генова «Парадигма социального взаимодействия». Это событие дает повод, читая издание, размышлять вместе с автором о состоянии и перспективах парадигмальной интеграции в теоретической социологии с учетом новых общественных реалий, сложившихся ко времени публикации книги.

Теоретическая социология по-настоящему объединяет социологию и социологов, являясь не-историей, не-философией, даже не-(социальной философией) и не-политической наукой. Общая теория проводит устойчивые границы между дисциплинами, обеспечивает дисциплинарную картину социального мира. В рамках социологии как научной дисциплины со времени ее второго большого кризиса — разрушения синтеза в теории общества, предложенного Парсонсом в 1970-е годы — новое поколение социологов создало новые подходы и направления в теории, прежде всего в теории социального действия: этнометодология, драматургическая социология, уже занявшие свое место в учебнике. Этот процесс продолжается и поныне, но поиски новой парадигмы: акторно-сетевая теория, социология вещей и нечеловеческих акторов — оказались скорее модным увлечением, чем новым направлением теоретического поиска.

Концептуальные рамки общесоциологических поисков обозначил московский социолог-теоретик и историк Ю.Н. Давыдов (1929–2007): волновое движение социологической мысли от общетеоретических кризисов к стабилизации. После синтеза Парсонса в теории современного общества и его разрушения о стабилизационной тенденции напоминают

масштабный проект теории коммуникативного действия, в которой немецкий социолог Ю. Хабермас полемизирует со всей социологией ради разработки основ синтетической теории действия, или труды его оппонента Н. Лумана, ограничившегося этапным развитием лишь общей теории социальных систем. Нынешние предложения теоретического синтеза толерантны: никто не претендует на создание общеобязательной и единой теории. Такая теория в принципе возможна, но мало интересна. Для нее потребовался бы такой высокий уровень абстрактности высказываний и понятий, что в содержательном отношении это была бы теория ни о чём.

В предисловии к изданию рецензируемой книги автор профессор (emeritus) Свободного университета Берлина Николай Генов подчеркивает руководящую идею монографии — необходимость «противодействовать крайностям парадигматического плюрализма». Его стратегия — концептуальный «синтез расходящихся социологических интерпретаций процессов на микро-, мезо- и макросоциальных уровнях» на основе общего знаменателя — «широко понимаемой концепции социального взаимодействия» (р. viii). Таким образом, автор ограничивается теоретическим синтезом в рамках лишь одного из важнейших теоретических направлений в социологии — теории социального действия и взаимодействия, основанного сто лет назад немецким социологом М. Вебером. Цель монографии в том, чтобы «ограничить крайности парадигматического плюрализма», при том, что «социология есть и будет оставаться многопарадигмальной наукой». Цель автора такая же, как и у названных выше классиков современной социологии. Ее особенность и отличие состоит в том, что в ней не только предлагается новая парадигмальная концепция в теории социального взаимодействия, но и обеспечивается ее апробация в ряде крупных прикладных исследований, которыми автор известен в европейской и российской социологии. Материалы, вошедшие в монографию, опубликованы в солидных социологических изданиях и поэтому не нуждаются в подтверждении их достоверности.

Книга состоит из восьми глав и обобщающей заключительной части, в которой автор возвращается к исследовательскому вопросу, сформулированному в начале книги: является ли многопарадигмальная социология «нормальной наукой» в терминах науковеда Т. Куна, внесшего понятие парадигмы в научный оборот (1962)? Социология, по критериям Куна, таковой не является, это всего лишь «преднаука». А по Генову?

В первой главе доказывается, что для парадигмального синтеза «наилучшим кандидатом является широкое, хорошо развитое и обобщенное понятие социального взаимодействия» (р. 19). Социальное взаимодействие может осуществляться индивидуальными или коллективными субъекта-

ми на микро-, мезо- или макросоциальных уровнях организации социальной жизни. Отсюда берет начало «красная нить» монографии, смысл которой в том, что дальнейшее развитие теоретической социологии возможно прежде всего путем формирования и адаптации новых парадигм к уже накопленному теоретическому знанию и путем верификации новых социологических парадигм, их корректировки с учетом полученных результатов. В противном случае ожидается нарастающая дифференциация парадигм без должной саморефлексии над этим процессом, что приведет к накоплению обособленных массивов социологического знания, которые мало что объединяет: усилится кризисная тенденция в общей теории. По Генову, есть возможность противодействовать этой деструктивной тенденции в современной социологии, сочетая процессы дифференциации социологических парадигм с их целенаправленным синтезом.

Автор разработал альтернативную стратегию. Во-первых, критическое сопоставление парадигмальных моделей социального взаимодействия в разных теориях (гл. 1). Во-вторых, анализ эффективных параметров (переменных) социального взаимодействия с целью разработки общей концептуальной схемы (гл. 2, в которой на основе анализа идей Дж.Г. Мида, Дж.К. Хоманса, Т. Парсонса, И. Валлерстайна и других теоретиков, анализа типов социальной практики вырисовываются контуры расширенного общего понятия социального взаимодействия). Предложено определение этого центрального понятия новой парадигмы как «обмен вещества, энергии и информации между индивидуальными и коллективными акторами в сети социальных отношений и в социальных процессах» (р. 32). Они иные, нежели весьма неуклюже сформулированные аналитические переменные действия у Т. Парсонса. Их 18, по шесть для трех блоков анализа: социальные отношения, социальные процессы и социальные акторы (р. 33) — вполне достаточно, на наш взгляд, для описания социального взаимодействия на трех рассматриваемых уровнях в прикладных исследованиях.

В-третьих, в стратегию входит апробация парадигмальной концептуальной схемы взаимодействия в прикладном исследовании. У социолога Генова есть богатый опыт, накопленный в эмпирических исследованиях, в том числе в РФ и на постсоветском пространстве. Он знает, как его эффективно использовать в процедурах операционализации понятий и теоретических высказываний. Прежде всего он разграничивает две категориальные компоненты понятия социального взаимодействия: 1) совокупность понятий, связанных с социальными акторами, отношениями и процессами; 2) понятия инвайроментальных, технологических, экономических, политических и культурных детерминант социального взаимо-

действия. С использованием этого инструментария исследованы социальные инновации (гл. 3–4), трансформация современных восточноевропейских обществ (гл. 5–6) и процессы глобализации (гл. 7–8).

При исследовании социальных инноваций автор отмечает, что они есть везде, «во всех сферах человеческой деятельности», но «проявляются в разных формах, в зависимости от целей, средств и результатов деятельности отдельных людей и коллективов, участвующих в социальных изменениях» (р. 52). Здесь, как и в других главах книги, автор обсуждает подходы, альтернативные его собственному, что делает монографию своего рода руководством по затронутым темам. При верификации других подходов его гипотеза состоит в том, что новая парадигма дает более эффективные возможности определить и дифференцировать социальные инновации в качестве организованных изменений на микро-, мезо- и макроуровнях социального взаимодействия. Работа с категориальными моделями продолжена в эмпирическом анализе реальных инноваций в третьей и четвертой главах. И использованные там примеры включают типичные социальные инновации на разных структурных уровнях социальной жизни: а) микрокредиты в Бангладеш и в других странах; б) временное трудоустройство и профессиональное обучение нищих во Франции; в) проект «Гермес» по управлению конфликтами в школах Колумбии; 4) Болонские принципы в системах высшего образования в Европе. Актуальность опыта социального взаимодействия в данных примерах для России не нуждается в комментариях. Итоговые выводы возвращают читателя на парадигмальный уровень: предлагаемая парадигма «способствует синтезу альтернативных идей функционализма и эволюционизма, микросоциологического и макросоциологического подходов, качественных и количественных исследований» (р. 61). Чтение третьей главы не оставляет сомнений в этом доказательном выводе. Остается лишь согласиться с автором в том, что очень интересно было бы узнать «как концепция социальных инноваций может быть применена в анализе и управлении экзистенциально важными социальными явлениями, такими как пандемия Ковид-19» (р. 62).

Ответ дан в четвертой главе. Не реферируя ее, отметим, что тема кризисного управления обществом в ситуации новой коронавирусной инфекции охватывает все уровни взаимодействия и всех его акторов и пока не ушла из общественной повестки дня. Вывод автора таков: с одной стороны, пандемия, несомненно, разрушительная сила, затронувшая все сферы жизни общества. С другой — она иногда «вдохновляет и помогает»: благодаря пандемии исследователи могут изучать проявления глобальных отношений и процессов, такие как проблемы современной

медицины, глобальный экономический кризис, политическая нестабильность и культурные травмы в своем ближайшем окружении. «Борьба со смертельным вторжением способствовала развитию концепций и их эмпирической проверке. Учитывая многочисленные неясности в отношении причин, процесса и последствий пандемии Ковид-19, исследование ее проявлений является весьма актуальным в глобальном обществе риска» (р. 92). Второй раз новая коронавирусная инфекция обсуждается в восьмой главе в качестве «стресс-теста» для самой социологии. Выдержала ли наша наука такое испытание? Согласно автору и его аргументам, скорее да. Действительно, «результаты стресс-теста обнадеживают» (р. 169) автора, и не только его.

Созданию исторической картины европейского мира и ее трансформации посвящены пятая и шестая главы, где на основе авторской парадигмальной концептуальной схемы социального взаимодействия идет поиск рационального объяснения феномена восточноевропейского «реального социализма», его постсоветского «демократического транзита», успехов и тупиков начиная с 1989 г. Здесь заложены весьма большие дискуссионные проблемы монографии не только для социологии, но и для историков современности и представителей политической науки. Точка зрения автора на эти процессы — квазирелигиозная реализация концепции социализма, следующая из «марксистской “светской религии”» (р. 99). Отметим, что авторская позиция точно такая же, как и у известного социолога Питирима Сорокина (иными словами, оба социолога подтверждают друг друга). Однако актуальность и дискуссионность рассматриваемых глав такова, что верификация авторской парадигмы на данном материале еще только в самом начале, включая историческую оценку советской перестройки.

По Генову, постсоциалистические страны Восточной Европы полны противоречий. Крупнейшее из них в том, что в результате рыночных реформ большие слои населения этих стран оказались в положении «потерпевших» и рассматривают новый экономический и политический порядок как проблемный, малодемократичный, плохо приспособленный к глобальной конкуренции экономик. Так обстоят дела почти во всех восточноевропейских обществах. Социология способна объяснить такие сбои в социальном взаимодействии на структурном уровне Европейского Союза, на глобальном уровне взаимодействий, не говоря уже о постсоветском регионе, с проблемами которого автор знаком по своему жизненному и профессиональному опыту. Содействие со стороны социологии здесь «остро необходимо» с ее «телескопом» (макросоциальный анализ) и «микроскопом» микросоциальных исследований (р. 129). Концептуальные рамки для него обеспечивает предлагаемая автором парадигма.

Ответ на вопрос о том, как творится история, логично искать в катализмах социального развития после Первой и Второй мировых войн. Используя категориальную рамку парадигмы социального взаимодействия, Генов выборочно разрабатывает проблемы общего и специфического в обоих довольно противоречивых случаях. Если в первом случае совершенно ясно, что предвидения социолога Макса Вебера отличаются поразительной точностью, то во втором случае имеют место ошибки предвидения. В случае постсоциалистической трансформации особенность состоит в том, что знания и аргументы, которые принимались как бесспорные, оказались дорогостоящими иллюзиями. Представления о стабильной упорядоченности общества разбились о современные реалии, неустойчивость и непредсказуемость общества, точнее общества риска (У. Бек).

Седьмая и восьмая главы посвящены социальному взаимодействию на глобальном уровне. Не останавливаясь на подробных вступительных комментариях автора, приведем его важнейший исследовательский вопрос: «Пришел ли конец глобализации?» Обсуждая вопрос, Генов приходит к выводу о том, что «30 лет спустя интеллектуальное настроение в социальных науках совершенно иное», чем заданное американским философом и социологом Ф. Фукуямой. Оптимистические представления о либеральной глобализации канули в Лету. Современная социокультурная ситуация хорошо отражена в названии книги Стивена Кинга «Могила нового мира: конец глобализации, возвращение истории»¹, которая является современным ответом Ф. Фукуяме и его сочинению «Конец истории и последний человек» (1992). Аргументы, подтверждающие тезис Фукуямы о глобализации, хорошо известны. Что касается ее «конца», аргументы Генова «многочисленны и веские». Во все более многополярном мире торжествует экономический протекционизм и политический национализм, религиозный фундаментализм и терроризм, возводятся необерлинские стены. «Разговоры о новой холодной войне или перспективах третьей мировой войны уже не вызывают удивления» (р. 132–133). Даже Фукуяма признал, что обещания светлого будущего глобализированной экономики, либеральной политики и культуры устарели. Возникает вопрос: «Является ли тезис о конце глобализации верным диагнозом для нынешней глобальной ситуации?» (р. 133). Ответ автора неоднозначен. Генов исследует детерминирующее действие культуры, политики, экономики, технологий, проблем экологии, поясняя причинно-следственные связи этих факторов

---

¹ King S.D. (2017) *Grave New World: The End of Globalization, the Return of History*. Lanham: Rowman & Littlefield.

в отношении участников взаимодействия всех уровней схемами, облегчающими понимание латентных связей, но не спешит с категорическими выводами (р. 138). Он лишь отмечает, что «теперь мы лучше подготовлены к тому, чтобы разобраться с достижениями и неудачами в изучении глобализации и глобальности» (р. 148–149).

В заключение автор возвращается к изначальному вопросу о полипарадигмальности социологии и «нормальности» такого состояния. Вопреки ожиданию читателя, «ответ не может быть ни положительным, ни отрицательным», так как он имеет «множество нюансов». В книге они ограничены задачами по созданию и апробации парадигмальной концепции социального взаимодействия. Старые и новые парадигмы сосуществуют. Такова современная социологическая нормальность (р. 172). Она дает богатый материал для дальнейшего анализа и дискуссий.

Оценивая труд социолога Николая Генова, отметим, что поставленной цели он достиг. В конце своей богатой идеями монографии он подчеркивает продуктивность категориального синтеза на основе новой парадигмы социального взаимодействия. Ее критическое применение и обсуждение показывает, что новая парадигма обеспечивает систематическое описание, многомерное объяснение и убедительное предвидение в области социальных структур и процессов. Являясь средством эвристической поддержки творческой исследовательской работы в социологии, новая парадигма обеспечивает дальнейшее накопление и систематизацию социологического знания.

**BOOK REVIEW: GENOV N. (2021)
THE PARADIGM OF SOCIAL INTERACTION.
Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge. — 208 p.
doi: 10.4324/9781003215028**

Nikolay Golovin (n.golovin@spbu.ru)

Saint-Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Citation: Golovin N. (2022) Book Review: Genov N. (2021) The paradigm of social interaction. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge — 208 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(3): 267–273 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.12>